

Лицо наследного принца несколько раз изменилось в цвете. Игнорируемый всеми, он смог лишь слегка откашляться и отпить из кубка, чтобы скрыть смущение. Находившийся по другую сторону третий принц, видя его конфуз, тихо усмехнулся и, накренившись в сторону Ань Чанцина, заговорил:

— Второй брат так добр к своей ванфэй! В обычные дни он даже заговорить с нами, братьями, не удосужится. Не это ли называют «превосходством любви над братскими узами»?

Третий принц был единственным сыном Шу-гуйфэй. Ему едва исполнилось пятнадцать, и он еще не покинул дворец, чтобы обзавестись собственной резиденцией. И пусть сейчас его речи и вид казались совершенно наивными, Ань Чанцин вовсе не считал его невинным ребенком. В прошлой жизни он слышал, что во время борьбы за престол этот третий принц действовал куда жесточе обоих своих старших братьев.

Разве мог такой человек быть наивным дитятей?

Ань Чанцин опустил глаза и умело ответил:

— Третий принц шутит. Князь по природе своей неразговорчив. К тому же братская привязанность не требует громких слов — родственные узы передаются с кровью. Да и что может сравниться с узами священной императорской крови?

Третий принц поджал губы и пошутил:

— Мой второй брат — молчун, а вот ванфэй, оказывается, за словом в карман не лезет.

— Третий принц мне льстит, — улыбнулся Ань Чанцин, делая вид, будто не заметил скрытой в его словах насмешки.

Зато Сяо Чжигэ с безразличным видом бросил взгляд на третьего принца, почти перебравшегося к их столу, и хмуро произнес:

— Пир вот-вот начнется. Зачем третий брат здесь толпится?

— ... — Улыбка на лице третьего принца застыла. Встретившись с ним взглядом, он лишь хмыкнул и послушно вернулся на свое место.

Сяо Чжигэ отвел взгляд, поднял кувшин с подогретым вином и налил кубок Ань Чанцину:

— Попробуй, понравится ли?

Ань Чанцин поднял кубок и сделал маленький глоток. Сладковатый, с легкой острой ноткой напиток обжег горло, и он с удовольствием зажмурился, допил все до дна и снова протянул кубок:

— Еще.

Сяо Чжигэ налил ему еще один кубок, с мягким выражением лица.

Остальные гости за столами с изумлением наблюдали за этим, их лица не раз меняли выражение. Наследный принц тоже заметил эту сцену, смерил Ань Чанцина холодным взглядом, фыркнул и отвернулся, молча запивая свое раздражение вином.

От автора:

Сонсон: Но-но так красив, когда пьет вино...

Наследный принц: Мне тоже так кажется.

Сонсон (мрачно): ...Проваливай.

Гости успели лишь ненадолго рассесться по местам, как появился император Аньцин.

Императору Аньцину было за сорок: круглолицый, слегка полноватый, с аккуратными усиками «восьмеркой», он выглядел весьма представительно. Увидев его, гости поспешно поднялись для приветствия. Император Аньцин взмахнул рукой, давая знак всем подняться, и лишь затем повелел стоящему за ним главному евнуху начинать пир.

Главный евнух громко провозгласил: «Пир начинается!», и музыка тут же переменялась, сделавшись еще более истомленной и пьянящей. Дворцовые слуги один за другим стали приносить закуски, тихо и чинно расставляя их на столиках перед гостями.

В центр зала грациозно вступила вереница танцовщиц в легчайших полупрозрачных одеждах. Босоногие, они ниц склонились перед императором Аньцином и начали кружиться в танце.

Император Аньцин выглядел весьма оживленным: он вальяжно откинулся на столик, созерцая танец и отбивая такт в лад музыке.

Ань Чанцина танцы и пение совершенно не интересовали, поэтому он только и делал, что подливал себе вина из кувшина. У этого вина «Снежная слива» был мягкий вкус, оно нисколько не драло горло, а от каждого глотка по всему телу разливалось приятное тепло. Вино ему очень понравилось. Однако стоило ему выпить пять или шесть кубков, как Сяо Чжигэ забрал кубок из его рук.

Сяо Чжигэ положил ему в пиалу ломтик говядины с сушеной мандариновой цедрой и не терпящим возражений тоном произнес:

— Не усердствуй с питьем, поешь немного, чтобы заесть хмель.

Ань Чанцин с тоской посмотрел на кувшин, отставленный в сторону, и был вынужден послушно взяться за еду. Покончив с мясом и заметив, что Сяо Чжигэ еще даже не притронулся к палочкам, он в знак вежливости положил ему изумрудный огурец и с улыбкой промолвил:

— Князь тоже покушайте.

— ... — Сяо Чжигэ уставился на огурец в своей пиале, который в обычные дни терпеть не мог. Видя, как Ань Чанцин хитро улыбается, будто лисенок — явно мстя за отнятое вино, — Сяо Чжигэ лишь беспомощно усмехнулся, но все же подцепил огурец и съел.

Наблюдавший за ними император Аньцин прищурился, глядя на Ань Чанцина:

— Отчего Второй сидит за одним столом с ванфэй?

Прежде чем супруги успели ответить, наследный принц с улыбкой вмешался:

— Августейший отец еще не знает, но изначально место для ванфэй предназначалось на женской половине. Однако второй брат не захотел расставаться с ванфэй и привел его сюда.

— О? — Император Аньцин прищурился и усмехнулся. Смерив взглядом Сяо Чжигэ и Ань

Чанцина, он безразлично бросил: — Если Второму нравится тесниться, пусть теснится. Однако...

Тут его тон резко изменился:

— Я слышал, что супруг Второго в последнее время развернулся с размахом — купил кучу зимней одежды и древесного угля? Обошлось это, небось, в кругленькую сумму? Зима уже почти закончилась, а он все запасается... Второму, хоть он и души не чает в своем ванфэй, следует знать меру...

К концу фразы улыбка на лице императора Аньцина угасла. Любому проницательному человеку было ясно: он бьет по горам, чтобы напугать тигра — то есть пользуется случаем, чтобы предостеречь Бэйчжань-вана.

Из всех троих принцев самым богатым, без сомнения, был Бэйчжань-ван Сяо Чжигэ.

Как только Сяо Чжигэ покинул дворец и основал собственную резиденцию, он обзавелся множеством поместий и лавок. За эти годы дела шли весьма успешно, доход поступал немалый. Но все это являлось лишь мелкими каплями в море. У какого принца нет пары-тройки поместий и лавок? Самым же прибыльным предприятием была шахта по добыче высококачественного железа в Яньчжоу.

Яньчжоу граничил с Бэймо, земля там была бесплодной, да к тому же края эти из года в год терзали набегами бэйдийцы. Прежде это была крайне бедная область. Однако Бэйчжань-вану то ли улыбнулась невероятная удача, то ли повезло: в Яньчжоу открыли залежи высококачественного железа. Во всем Да Е доселе насчитывалось всего три таких рудника. Когда же нашелся еще один, император Аньцин, разумеется, не чуял под собой ног от радости.

Император Аньцин предавался праздности и развлечениям, но казна с каждым годом все больше пустела, и он вознамерился прибрать железный рудник к рукам.

Кто же знал, что Сяо Чжигэ под предлогом защиты города и тягот воинов и простолюдинов Яньчжоу обратится к императору с просьбой милостиво позволить направлять восемьдесят процентов доходов от добычи железа на укрепление городских стен Яньчжоу. В тот момент только закончилась зима, воинам и жителям Яньчжоу пришлось насмерть удерживать город, понеся огромные потери. В такой обстановке Сяо Чжигэ подал прошение, и император Аньцин был вынужден уступить.

Однако в глубине души он затаил на Сяо Чжигэ глубокую обиду.

И долгие годы спустя, вспоминая об этом, император Аньцин невзлюбил Сяо Чжигэ еще сильнее. А теперь, услышав от слуг, что Бэйчжань-ванфэй с ходу потратил больше миллиона лянов серебра, император пришел в еще большее негодование и решил нарочно придраться к этому прямо на дворцовом пиру.

Ань Чанцин нахмурился и уже намеревался подняться, чтобы объяснить, но Сяо Чжигэ сжал его руку и слегка качнул головой. Затем Сяо Чжигэ поднялся и, поклонившись, произнес:

— Отец, послушайте меня. Это было сделано по моему повелению.

Брови императора Аньцина взмыли вверх, он хлопнул ладонью по столу и сердито хмыкнул:

— Тогда это еще больший вздор!

Все остальные затаили дыхание, ожидая, что воспоследует далее.

Однако Сяо Чжигэ, сохраняя невозмутимость, продолжал:

— Некоторое время назад, отправляясь в загородный лагерь, ваш слуга случайно встретил безумного даоса. Тот даос молвил, что в прошлой жизни я совершил слишком много грехов убийства, и это может навредить моим близким. Чтобы искупить грех и принести благословение родным, мне надлежит совершить одно доброе дело, которое спасет тысячи жизней. А затем он прибавил, что вскоре Ецзин пострадает от снежной стихии, и повелел мне заранее подготовиться, дабы замолить грехи.

— Тот даос казался сумасшедшим, но выглядел не как обычный человек. Ваш слуга хотел доставить его для расспросов, однако он внезапно испарился без следа. Увидев столь чудесное явление, я отчасти поверил его словам и повелел ванфэй запасти эти вещи для зимовки.

Император Аньцин истово веровал в даосизм. За эти годы в поисках бессмертия и постижения Дао он пригласил в Ецзин неисчислимое множество даосов, а некоторые даосские наставники даже постоянно жили во дворце, выпекая пилюли бессмертия. Услышав речи Сяо Чжигэ, император действительно заколебался.

В этот момент наследный принц мягко улыбнулся и словно невзначай заметил:

— Такой бессмертный наставник, приходящий и уходящий незримо, да к тому же способный предсказать великое бедствие... Отчего же столь умелый муж не явился прямо к августейшему отцу, а направился ко второму брату?

Заколебавшийся было император Аньцин и впрямь слегка изменился в лице.

Сяо Чжигэ твердо ответил:

— Грех убийства лежит на мне, и искупать его надлежит мне самому. Зачем же беспокоить августейшего отца?

С другой стороны поджал губы третий принц:

— Да и не факт, что этот безумный даос говорил правду. Может, он и вправду просто сумасшедший?

— Лучше поверить тому, чего может и не быть, чем проявить небрежение, — смерил его взглядом Сяо Чжигэ. — Как можно шутить с безопасностью близких и спокойствием Ецзина?

Видя, что у троих братьев разные мнения, император Аньцин взмахнул рукой:

— Ладно. Коль уж Второй приготовил все это, дождемся окончания зимы — тогда все и выяснится.

Сказав так, он заставил наследного принца и третьего принца умолкнуть. Сяо Чжигэ тоже опустил на свое место.